

УДК 433.904

**БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ
СОСТАВА СЕМЬИ В СРЕДНЕВЕКОВОМ НОВГОРОДЕ**

© 2020 г.

К.Д. Покровская

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

pokrovskayakristina97@gmail.com

Поступила в редакцию 12.05.2020

Определяется потенциал новгородских берестяных грамот в качестве источника информации о составе семьи. Состав семьи рассматривается, во-первых, с точки зрения совместного/раздельного проживания родственников, во-вторых, с точки зрения восприятия семьи человеком. С целью определения состава семьи как домохозяйства рассматриваются грамоты в археологическом контексте и изучается распределение писем родственников по адресатам. Делается вывод о том, что в XIV – начале XV вв. были возможны разные формы семьи как домохозяйства – и нуклеарная, и расширенная. В части работы, связанной с восприятием семьи, рассматриваются термины, которыми могла обозначаться родственная группа, называемая сегодня *семьей*. Акцентируется тот факт, что термин *семья* в берестяных грамотах не встречается ни разу, а в других источниках слово *семья* в привычном сегодня значении фиксируется только начиная с XIV в. Отмечается, что слова *род* и *племя*, встречающиеся в берестяных грамотах рассматриваемого периода, определенно имели более широкое распространение, чем слово *семья*.

Ключевые слова: берестяные грамоты, семья, родство, состав семьи, термины родства, археология, средневековый Новгород, фамилистика.

Введение

В рамках данной статьи мы планируем сфокусироваться на потенциале берестяных грамот в качестве источника информации о составе средневековой семьи. Однако прежде чем говорить о составе семьи, необходимо понять, какие смыслы вкладываются в это понятие. Учеными (а с недавнего времени политиками и массмедиа) для описания форм семьи часто используются сочетания «нуклеарная семья» и «расширенная семья». Согласно мнению Дж. Риббенс Маккарти и Р. Эдвардс, нуклеарная семья есть форма домохозяйства, в которое входит живущая вместе женатая (или, возможно, просто сожительствующая) пара, а также находящиеся на ее иждивении ее биологические дети; в свою очередь, расширенная семья – это форма семьи с устойчивыми многопоколенными и другими широкими родственными связями, которые служат основой для совместного проживания, контактов и/или различных форм поддержки или контроля [1, с. 266–267].

Очевидно, что подобные определения форм семьи опираются на убежденность в совместном проживании родственников. Однако они не обязательно соответствуют представлениям людей прошлого об их собственных семьях. Во-первых, человек способен воспринимать в качестве членов своей семьи не только людей, проживающих вместе с ним. Во-вторых, он может

попросту не задумываться о точных границах «семейного круга», рассуждая о близких (или не очень) родственниках в индивидуальных терминах. Учитывая эти концептуальные сложности, мы предпочли разделить настоящую работу на две части, одна из которых посвящена изучению состава семьи как домохозяйства, а другая – более общей проблеме восприятия семейных связей в средневековом Новгороде. В качестве источника нами были использованы все опубликованные на данный момент новгородские берестяные грамоты – 1102 экземпляра. Хронологически данный комплекс выглядит следующим образом: к XI в. относятся 34 экз., к XII в. – 468 экз., к XIII в. – 188 экз., к XIV в. – 300 экз., к XV в. – 83 экз.

1. Семья как домохозяйство*1.1. Берестяные грамоты в составе археологического комплекса*

Чтобы определить состав семьи в качестве группы родственников, живущей одним домохозяйством, целесообразно рассмотреть берестяные грамоты как часть археологического комплекса. Для такого рода исследования хорошо подходит Неревский раскоп. На его материале можно проследить застройку дворов во всех деталях на протяжении длительного времени, и грамот, найденных здесь, достаточно для того, чтобы связать их с усадьбой конкрет-

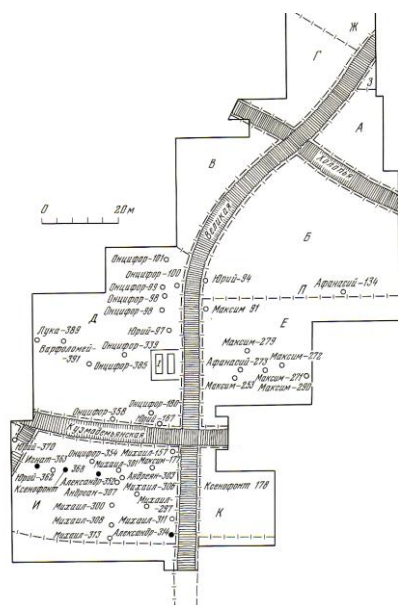

Рис. 1. План размещения грамот Мишиничей-Онцифоровичей на Неревском раскопе

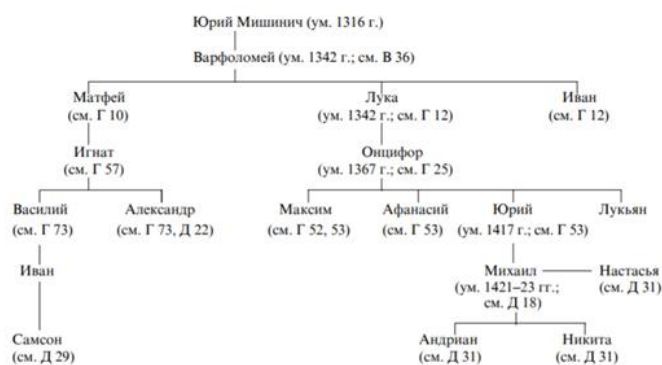

Рис. 2. Генеалогическое древо Мишиничей-Онцифоровичей

ного человека, а не счесть просто утерянными в этом месте. На раскопе вскрыты территории 17 усадеб [2, с. 7], 8 из них («А», «Б», «В», «Г», «Д», «Е», «И», «К») – полностью либо в такой степени, что можно составить целостное представление об их застройке. На территории этих усадеб найдено 37 грамот, связанных с родом Мишиничей-Онцифоровичей. Абсолютное большинство грамот было найдено на усадьбах «Д», «Е» и «И». В.Л. Янин, основываясь во многом именно на материалах грамот, убедительно показал, что три этих усадьбы принадлежали Мишиничам-Онцифоровичам [3; 4; 5, с. 189–220]. Усадьбы четко разграничены между собой частокколами. Однако это деление не было постоянным – в разное время усадьбы могли объединяться и делиться.

Рассмотрим план размещения грамот Мишиничей-Онцифоровичей на Неревском раскопе (рис. 1), приведенный в работе В.Л. Янина «Очерки истории средневекового Новгорода» [5] и их генеалогическое древо (рис. 2) [6, с. 567].

Как видно, на плане изображены грамоты сразу всех Онцифоровичей несмотря на то, что они жили здесь в разное время. Такой план подходит для достижения цели, поставленной В.Л. Яниным. – доказать, что усадьбы «Д», «Е» и «И» принадлежали роду Мишиничей-Онцифоровичей; но, руководствуясь им, сложно понять, как именно представители этого рода расселялись на отдельных усадьбах.

Прежде чем мы «распределим» наших героев по усадьбам, необходимо пояснить, что культурный слой в Новгороде сохранил огромное

количество дерева, в том числе – настилы мостовых, остатки зданий. Разумеется, слой нарастал в первую очередь около жилых и хозяйственных построек, где сбрасывался мусор и делались вымостки. Вследствие этого нижние венцы построек очень быстро оказывались закрыты слоем. Несильно отставал и культурный слой во дворах – здесь скапливался навоз, время от времени дворы засыпали щепой, иногда хозяева целенаправленно выравнивали территорию двора, чтобы не было провалов [2, с. 6]. По мере роста культурного слоя во дворах загрязнялись и мостовые. Когда мостовая устаревала и по сторонам ее нарастал культурный слой, поверх нее сооружали новую [7, с. 5].

На Великой улице Неревского раскопа сохранились 28 мостовых, лежащих одна поверх другой. В соответствии с их числом выделяется 28 строительных ярусов. Сооружение самого нижнего 28-го яруса датируется серединой X в. (953 г.), самого верхнего – второй половиной XV в. (1462 г.). Для того чтобы узнать, кто жил на усадьбе одновременно, все грамоты, найденные на Неревском раскопе и связанные с Онцифоровичами, были распределены по этим ярусам. Источник сведений о расположении грамот в том или ином строительном ярусе – издание «Новгородские грамоты на бересте» (далее – НГБ).

Понятие *ярус* используется здесь в том смысле, который придал ему А.В. Арциховский в 1951 г. и в котором оно употребляется во введении к третьему тому НГБ – «совокупность срубов и других сооружений, современных одной мостовой» [7, с. 5]. Со временем понятие

ярус эволюционировало. В более поздних работах строительный ярус – это комплекс синхронных друг другу построек в пределах стратиграфически обособленного пространства (например, на территории одной усадьбы) [8]. Однако мы будем пользоваться понятием *ярус* в его изначальном значении (как ярус мостовой), так как именно по таким ярусам фиксировались находки во время раскопок на Неревском раскопе [9, с. 44] и именно по таким ярусам распределены грамоты в упомянутом выше издании.

В табл. 1 приводится распределение грамот Мишиничей-Онцифоровичей по ярусам (с 2-го по 11-й). Соотношение веков и ярусов и дендрохронологическая датировка мостовой (год, когда было срублено дерево) приводятся по статье Б.А. Колчина «Дендрохронология Новгорода» [10, с. 90–91]. Курсивом выделены археологические находки, позволяющие атрибутировать усадьбу.

Существует несколько грамот, найденных не на усадьбах, но в непосредственной близости от них. Так, грамота № 370 была найдена недалеко от усадьбы «И». Она адресована Юрию и Максиму от крестьян. Грамоты № 94 и № 167 адресованы Юрию. Первая была найдена у самой мостовой Великой улицы, в перекопе, ее относят к 6-му ярусу. Вторая – на мостовой Кузьмодемьянской улицы, рядом с усадьбой «Д», в 7-м ярусе.

Про первые поколения Онцифоровичей мы мало что можем говорить уверенно. Скорее всего, усадьба «Д» была первой усадьбой, принадлежавшей Мишиничам, так как здесь мы находим грамоты, связанные с Варфоломеем Юрьевичем (№ 391) и Лукой Варфоломеевичем (№ 389), а также ложку, принадлежавшую Ивану Варфоломеевичу. Однако Лука и Варфоломей являются не адресатами, а авторами этих грамот, что уменьшает «доказательную силу» последних.

С уверенностью локализовать мы можем только Онцифора Лукинина, его сына Максима Онцифоровича и его внука Михаила Юрьевича, так как грамоты, адресованные им, встречаются на усадьбах в большом количестве. Онцифору адресованы 5 грамот с усадьбы «Д» (№№ 385, 98, 99, 101, 180): в них он назван по имени или «посадник Онцифор». На этой же усадьбе найдена грамота, написанная самим Онцифором и адресованная матери (№ 358). Здесь же была найдена грамота № 339, адресованная посаднику без указания имени (с большой долей вероятности – тому же Онцифору).

Из Новгородской первой летописи мы знаем, что Онцифор был посадником в 1350–1354 гг. [11, с. 362–364] и умер в 1367 г. [4, с. 9]. При

этом 2 грамоты (№ 339 и № 385), где он назван посадником, были найдены в 7-м ярусе и стратиграфически датируются 1380–1400 гг. Поскольку грамоты Онцифора распределены по трем ярусам, можно сделать вывод, что они попали в землю в разное время. Мы можем связать этот факт либо с несоответствием ярусов усадьбы и ярусов мостовой, либо с тем обстоятельством, что грамоты попали в землю спустя много лет после их написания. Впрочем, даже если какие-то из грамот попали в землю после смерти Онцифора, представляется вполне вероятным, что усадьба «Д» принадлежала именно ему, поскольку большинство грамот, найденных здесь, надежно укладывается в летописную хронологию жизни Онцифора.

Сын Онцифора, Максим, жил на усадьбе «Е». Ему адресованы 4 грамоты с этой усадьбы (№№ 91, 271, 272, 279), одна грамота с этой же усадьбы написана им (№ 253). Относительно того, где жили другие дети Онцифора, судить сложно. Каменный дом на усадьбе «Д» атрибутировался В.Л. Яниным [3, с. 95] и П.И. Засурцевым [2, с. 150] как принадлежавший Юрию Онцифоровичу, однако, по всей видимости, оснований для такого вывода недостаточно. На этой усадьбе была найдена только одна грамота, адресованная Юрию (№ 97), причем найдена она была во дворе дома, а не в самом жилище [7, с. 24]. Также грамоты, адресованные Юрию, были найдены на усадьбах «Е» (№№ 273, 290) и «И» (№ 362).

На усадьбе «И» мы можем уверенно локализовать племянника Максима и внука Онцифора – Михаила. Михаилу адресованы 7 грамот с этой усадьбы (№ 300, 301, 157, 306, 308, 311, 313). В более поздних ярусах усадьбы «И» найдены грамоты, связанные с его детьми – Никитой и Андрианом, а также его женой Настасьей. При этом к одному и тому же времени относятся грамоты, адресованные Михаилу, и «приказ» (приказ, распоряжение) его сына Андриана (№ 303), который упоминает о какой-то челобитной: «приказъ от Ондръяна Михаилови[ча] к Пущне. Здѣсе ми билъ че[ломъ]». На основании этого факта мы вправе предположить, что Андриан ко времени составления грамоты был уже взрослым человеком, самостоятельно отдававшим распоряжения и способным разбираться с челобитной. Здесь же, в более позднем ярусе, находим грамоту № 307. Она адресована Андриану, Никите и «Настасье, Михайлове жене». Поскольку Михаила среди адресатов нет, предположим, что он к этому времени уже умер. По совокупности данных двух грамот можем считать, что Андриан жил вместе со своим отцом.

Таблица 1

Распределение грамот и находок					
Век	Ярус	Д	Е	И	К
XV	2 – 1446 г.		<i>Печать Офоноса</i>		
	3 – 1429 г.			№ 300 – от Тереха и Тимошки к господину Михаилу Юрьевичу № 307 (возможно, 4 ярус) – от крестьян-избоищан господину Андреану Михайловичу, Никите Михайловичу и госпоже Настасье Михайловой жене № 297 (возможно, 4 ярус) – челобитная от Сергия и его братии к господину Михаилу Юрьевичу № 301 – господину Михаилу Юрьевичу , сыну посадничьему (возможно, 4 ярус)	
	4 – 1422 г.			№ 352 – ... андровичу, сыну посадничу	
	5 – 1409 г.	№ 97 – начало челобитной Юрию Онцифоровичу		№ 157 – челобитная Михаилу Юрьевичу от крестьян-черенщан № 303 (возможно, 4 ярус) – приказ от Андреяна Михайловича к Пучне, с упоминанием челобитной № 306 – Михаилу Юрьевичу № 308 – Михаилу Юрьевичу от Зиновия № 313 (возможно, 6 ярус) – челобитная Михаилу Юрьевичу от смердынских крестьян	
	6 – 1396 г.			№ 311 – челобитная Михаилу Юрьевичу от крестьян-черенщан № 362 (возможно, 7 ярус) – господину Юрию Онцифоровичу от Ондрика	
	7 – 1382 г.	№ 339 – от Рьдываца господину посаднику (Онцифору?) № 385 – посаднику Онцифору (возможно, 6 ярус)		№ 314 (возможно, 8 ярус) – челобитная от Олоферья к Александру № 363 (возможно, 6 ярус) – от Семена к невестке, с упоминанием Игната	№ 178 – От Синофонта к Офоносу о покупке Ещерского уезда и др. Вероятно, уп. Максим Онцифорович
XIV	8 – 1369 г.	№ 98 – От Онуфрия посаднику Онцифору	№ 91 – от Ларьяна к свату Максиму № 271 – от Якова к куму и другу Максиму № 272 – от Савлия к Максиму № 279 – от старосты и от всех пашезерцев к сотским Максиму и Онании		

Окончание таблицы 1

Век	Ярус	Д	Е	И	К
XIII	8 – 1369 г.	№ 98 – От Онуфрия посаднику Онцифору	№ 91 – от Ларьяна к свату Максиму № 271 – от Якова к куму и другу Максиму № 272 – от Савлия к Максиму № 279 – от старосты и от всех пашезерцев к сотским Максиму и Онани № 253 – от Максима к Десятянам (жителям села Десятское) № 273 – от Павла и от всех муравьичь (?) к Юрию и Офоносу № 290 – от Максима Юрию	8 – 1369 г.	№ 98 – От Онуфрия посаднику Онцифору
	9 – 1340 г.	№ 99 – от ...рика к Онцифору № 101 – Поклон к господину к Он... (кв. 582, в сенях дома) № 180 – от [некой женщины] и детей ее к Онцифору № 358 – От Онцифора к матери (Или 10 ярус)		№ 354 – От Онцифора к матери (возможно, 8 ярус) № 368 – к попу, уп. Синофонт , № 177 – от Максима к попу	
	10 – 1313 г.	№ 389 – От Луки к Марфе <i>Ложка Ивана Варфоломеевича</i>			
	11 – 1299 г.	№ 391 – От Варфоломея к Доманцу		Берестяные ярлыки: № 319 – поп Иван № 323 – черница Мария № 331 – отрывок церковно-литературного содержания №№ 329 и 330 – «Господи помоги рабу своему» <i>Масленка для еля</i>	

На этой же усадьбе «И», в пределах тех же или чуть более ранних ярусов, обнаружены грамоты, связанные с Игнатом Матфеевичем, Александром Игнатьевичем и кем-то из его детей. На 60 метров южнее Неревского раскопа, то есть на усадьбе, примыкавшей с юга к усадьбе «И», была найдена грамота № 135, адресатом которой является Василий Игнатьевич. В.Л. Янин отождествил адресатов грамот №№ 135 и 314 с братьями Василием и Александром Игнатьевичами, сыновьями Игната Матфеевича, внуками Матфея Варфоломеевича, правнуками Варфоломея Юрьевича. Василий Игнатьевич назван в грамоте № 135 непосредственно по имени и отчеству. Однако грамота № 135 – случайная находка, сделанная близ

Неревского раскопа. Александр Игнатьевич назван в грамоте № 314 только по имени: важнейшим подтверждением того, что адресатом грамоты был посадник, согласно В.Л. Янину, является грамота № 352, найденная на той же усадьбе в слоях 1420-х гг. и адресованная «...андровичу, сыну посадничьему». На той же усадьбе была найдена и грамота с упоминанием Игната (№ 363). Мы видим, таким образом, что на усадьбе «И» и неподалеку от нее оказываются почти одновременно грамоты не только близких кровных родственников. Что это может значить? Стоит ли полагать, что они жили вместе, на одной усадьбе?

Попытаемся ответить на этот вопрос, рассмотрев застройку усадьбы, относящуюся к то-

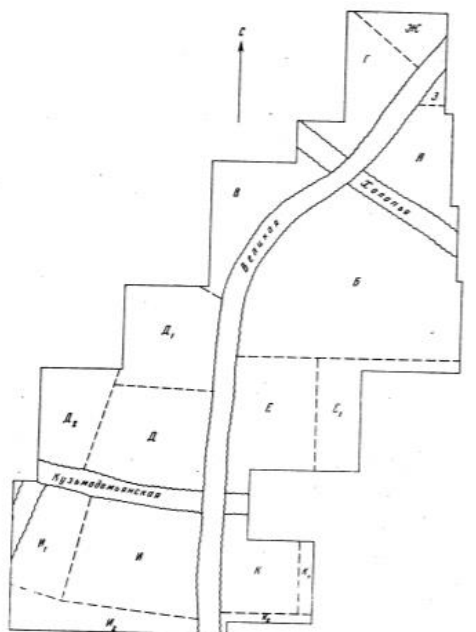

Рис. 3. 12-й строительный период

му времени, когда на ее территории появляются грамоты Михаила, Андриана, Игната и Александра, т.е. ко второй половине XIV – началу XV вв. К этому периоду относятся 6 ярусов (3–8) и 3 строительных периода (12–14). Под строительным периодом понимается совокупность строительных ярусов, в которых даже при смене большинства построек сохранялись все характерные черты облика усадеб: расположение построек, их типы, размеры, а также назначение [2, с. 7]. Строительные периоды были выделены П.И. Засурцевым для того, чтобы облегчить рассмотрение застройки усадеб. Они связаны, вероятно, с хозяйственной деятельностью владельцев усадеб, сменой владельцев.

В 12-м строительном периоде, в который входят 8 и 7 ярус, усадьба была разделена на части – «И» и «И-1»/«И-2» [2, с. 142]. Приведем для наглядности план из работы П.И. Засурцева «Усадьбы и постройки древнего Новгорода» (рис. 3) [2, с. 8].

Между усадьбами «И-2» и «И-1» частогола не было. Большую часть территории занимала усадьба «И», тогда как «И-1» тянулась узкой полосой, ширина которой составляла от 9 до 5 метров. На усадьбе «И» находились три жилые постройки размерами 5×4,8, 5×4 и 3,2×3,8 м. На усадьбе «И-1» в это время также находились три жилые постройки. Их размеры – 4×6, 4×4 и 4×4 м. В 7-м ярусе на обеих усадьбах появляются новые постройки, скорее всего, производственного назначения.

В 13-м строительном периоде, включающем только 6-й ярус, усадьбы «И», «И-1» и «И-2» являлись одной усадьбой. На ее территории

находился большой дом площадью 7×7,5 м и две жилых постройки площадью 4×4 и 4×7 м. В 14-м строительном периоде (1–5 ярусы) вся территория также являлась одной усадьбой. В это время здесь располагался большой дом площадью 9×9 м, определенно имевший несколько этажей [2, с. 143]. Помимо него на усадьбе находилась одна жилая постройка площадью 6×6 м. От дома к югу тянулся сплошной ряд хозяйственных построек. В 3-м ярусе на этой территории появляется новый дом, находящийся на месте старого и полностью его повторяющий.

12-й строительный период (8-й и 7-й ярусы) естественно соотнести с деятельностью Игната Матфеевича и Александра Игнатьевича, потому что их грамоты относятся к 7-му ярусу и потому что после 12-го периода коренным образом меняется планировка усадьбы. Вероятно, они занимали только одну часть усадьбы – «И» или «И-1». В ярусах, где планировка усадьбы постоянна, обнаружено большое количество грамот Михаила (9 экземпляров) и грамоты, связанные с его детьми. Это не может не натолкнуть на мысль о том, что изменение планировки усадьбы связано со сменой ее фактического владельца. То есть до перепланировки какой-то из усадеб («И», «И-1» и «И-2») владели Александр и Игнат, а после – Михаил и его дети.

Можно предположить все же, что представители разных ветвей этого рода одновременно находились на усадьбе «И», если взять стратиграфическую датировку грамоты № 362 по нижней границе. Однако тогда период разделения усадьбы «И» на три усадьбы совпадает со временем проживания на ее территории двух семей. Тогда получится, что в любом случае эти представители двух разных ветвей одного рода не жили на одной усадьбе.

Очевидно, таким образом, что Максим жил отдельно от своего отца Онцифора, а Андриан, скорее всего, жил вместе со своим отцом Михаилом. Игнат и Александр, с большой долей вероятности, не жили на усадьбе «И» одновременно и вместе с Михаилом и его семьей.

1.2. Переписка родственников

Берестяные грамоты можно использовать в качестве источника по интересующей нас проблематике и несколько иным способом – выделяя среди них переписку *родственников*. Мы имеем следующее распределение писем по адресатам (табл. 2).

Здесь очевидна довольно четкая градация: много писем братьев и сестер, детей и родителей (26 и 23 экз. соответственно), значительно (примерно в три раза) меньше писем мужей и

Таблица 2

Переписка родственников						
Адресат/век	XI	XII	XIII	XIV	XV	Всего
Брат/братья/сестра		№№ 82, 296, 433, 548, 605, 644, 675, 724, 829, 1083, 9	№№ 68, 531, 765,	№№ 178, 283, 290, 344, 414, 749, 1096	№№ 14, 19, 122, 129, 49	26
Родители/дети	№№ 733,	№№ 747, 670, 227, 384, 424, 952, 999, 1004, 1005, 1006, 1012, 421	№№ 350, 395, 442, 404	№№ 354, 358, 1102, 528, 1053	№ 125	24
Жена/муж		№ 794	№ 411	№№ 43, 53, 687, 942, 538	№ 931	8
Тетья/племянник		№№ 635, 798	№ 346			3
Невестка		№ 487		№ 363		2
Зять				№ 497		1
Бабушка				№ 578		1
Сват				№ 91		1

жен (8 экз.) и совсем малое количество писем других родственников (1–3 экз.). При этом частотность термина *жена* (31 экз.) совсем немного отстает от частотности терминов *сын* (38 экз.) и *брат* (48 экз.). А слова, обозначающие других родственников и свойственников, значительно более редки (1–7 экз.) [12, с. 12].

Для того чтобы человек написал письмо, должна сложиться определенная ситуация: нужно, чтобы тот, кому пишут, находился не рядом, и чтобы человеку, который пишет, было что сказать. Если рассуждать таким образом, у нас получится, что человек живет вместе с тем, с кем переписывается мало, в основном – когда уезжает. Если мы рассмотрим содержание грамот, то увидим, что все письма, точно относящиеся к переписке мужей и жен (№№ 43, 687, 931, 942), были написаны, судя по содержанию, в период отъезда мужа. Родителям и братьям, наоборот, приходится писать регулярно – попросить что-то принести, купить, о чем-то договориться. Конечно, подсчеты, основанные на данных берестяных грамот, никак нельзя назвать точными, и все же закономерность трудно не заметить.

Таким образом, из распределения писем по адресатам мы видим, что какая-то часть детей точно не жила с родителями и какая-то часть братьев не жила вместе. Следует, впрочем, помнить о том, что люди, которые живут вместе, обычно не пишут друг другу писем. О том, что некоторые дети продолжали жить с родителями, а некоторые братья жили вместе, мы можем узнать из текстов грамот.

Братья, которые живут вместе, но отдельно от отца, фигурируют в грамоте № 1068: «оу Тимошки цътырь катци ржи за дви гривны оу дитьи на берези кожу за поль гривны полотно десать локоть холоста веретищъ за поль гривны пать овцино матыхъ».

А.А. Зализняк переводит этот текст так: «У Тимошки четыре кадцы ржи за две гривны, у [его] детей в деревеньке (или на речке) Берёза за полгривны – кожу, полотно десять локтей, холста отрез, за полгривны – пять овчин промятых». Из содержания этой грамоты явно следует, что Тимошка жил отдельно от своих детей. Дети при этом, видимо, жили вместе.

Вероятно, такое же свидетельство содержится и в грамоте № 421 (XII в.): «+ w̄ брататъ къ нежилу поиди соуноу домовъ свободне еси паки ли не идеши а послоу^н та абътъникъ а заплапиль к гр(иве)нъ а ты свбонь».

Здесь сын и отец, вероятно, имели общий дом, так как отец, желая вернуть деньги, говорит сыну «поиди домовъ». Однако не до конца понятно, что значит *дом* в данном случае. Возможно, слово *дом* использовалось расширительно и значило, например, ‘в родной город’.

Нужно отметить, что таких грамот очень мало, и это естественно. Разумеется, грамот, в которых случайно был зафиксирован факт того, что кто-то живет с кем-то вместе, меньше, чем писем, написанных людьми, которые живут раздельно. При этом в грамотах встречаются и однозначные свидетельства того, что братья жили на разных дворах, и того, что родители и дети жили не вместе. Это, например, грамоты № 82, 1096, 19, 829, 765.

Таблица 3

Термины родства в берестяных грамотах

Термин/Век, когда термин встречается	XI	XII	XIII	XIV	XV	Общее кол-во упоминаний
Брат	*	*	*	*	*	48
Братан (двоюродный брат/племянник)				*	*	3
Братия (собир.)		*	*	*	*	15
Сестра		*	*	*		12
Сестричич (сын сестры)		*				1
Уи (дядя по матери)	*	*				2
Дядя				*		1
Тетка		*	*	*		2
Отец		*	*	*	*	17
Батько				*		1
Мать	*	*	*	*		19
Жена		*	*	*	*	31
Муж		*	*			2
Сын		*	*	*	*	38
Дочь		*	*			3
Чад				*	*	2
Детя		*	*	*		3
Дети	*	*	*	*	*	39
Детина				*		1
Чадь			*			
Внук		*		*	*	7
Дед				*	*	3
Баба (бабушка)		*		*		2
Племя				*	*	4
Родник (родственник)				*		
Роди (родичи)		*				
Род		*	*	*	*	2
Близок	*	*				2
Шурин		*		*		3
Деверь		*		*		1
Свояк		*				1
Сноха				*		3
Невестка		*	*	*	*	3
Зять	*	*	*	*	*	6
Свекор				*		1
Сват				*		1

Таким образом, соотнеся грамоты с археологическим комплексом, мы можем уверенно говорить о существовании в Новгороде XIV столетия малой семьи как формы домохозяйства и предполагать ее существование в более ранний период, начиная с XII в. (на основании распределения берестяной переписки по адресатам). Такой результат совпадает с выводом, к которому приходит Б.А. Романов в работе «Люди и нравы Древней Руси: историко-бытовые очерки XI–XIII вв.» [13, с. 181].

2. Восприятие семейных отношений

Если мы посмотрим на таблицу терминов родства, употребляющихся в берестяных грамотах (табл. 3), мы заметим интересное обстоятельство: в текстах этой группы источников ни разу не встречается слово *семья*, – при том, что термины родства встречаются в грамотах в огромном количестве, и разнообразие их весьма велико.

Прежде чем делать какие-то выводы, мы должны выяснить, встречается ли этот термин в

других источниках и что он может в них обозначать. В наших поисках были использованы «Словарь русского языка XI–XVII вв.» и материалы его картотеки, материалы картотеки «Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.», а также «Материалы для древне-русского словаря И.И. Срезневского». Необходимо отметить, что в картотеке «Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.» слово *семья* встречается, а в самом словаре его еще нет, так как последний, 11-й том, доходит до слова *стагъ* (слово *семья*, видимо, будет помещено в рубрике, начинающейся на *сѣ-*).

По данным указанных выше источников, в текстах XI–XV в. слово *семья* встречается 10 раз:

– **XII в.:** «...Кажи и дети, да будутъ подати-вы, ти како аще приплövetь, рекоши *семия* множество, или имения множество, злато и серебро, то как мощна буду на съблюденіе тому, а не имеючи мужья заступа...» («Златоструй», список XII в.); в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» слово *семья* в данном контексте имеет значение ‘челядь, домочадцы, рабы’;

– **XIII в.:** «...Да быхъ азъ былъ и чада моя и *семия* моя живи были, бе бо имея многу челяди...» (Житие преподобного Нифонта, список 1219 г.); в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» имеет значение ‘челядь, домочадцы, рабы’;

– **XIV в.:** «...Дали с(вя)гои Б(огороди)ци дому 9 земель бортных, а 5 погостовъ: Песочна, а в ней 300 *семии*, Холохолна, а в ней полтораста *семии*, Заячины, а в ней 200 *семии*» (Жалованная данная и тарханная грамота рязанского великого князя Олега Ивановича игумену Ольгова монастыря Арсению. ок. 1371 г.); в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» имеет значение ‘семья, семейство’.

Кроме того, у нас есть шесть примеров употребления этого слова в XIV–XV вв. из двух картотек, которые не зафиксированы словарями. Четыре из них сходны друг с другом: все они содержатся в докончальных (договорных) грамотах, устанавливающих пошлины за переход крестьянина из одной вотчины в другую. Так как семья в них противопоставляется «одному»/«одинцу»/«голове», слово *семья* почти наверняка значит здесь ‘семья, семейство’:

1) «...А хто от нас пригонит ся въ твою вотчину за холопом или за должником а изымает сам, а без пристава, поставит перед тобою или перед наместники или перед волостели, в том вины нет. А имет с ким холоп его тягати ся, а не будет по нем поруки. Ино холопа обвинити, да выдати осподарю. А з головы дати пошлины гривна, а съ *семьи* четверть...» (Грамота докончальная князя Дмитрия Ивановича с князем Тверским, 1375 г., сп. 15 в);

2) «...А пошлины съ *семьи* шесть денегъ, с пешеходов два алт[ы]на, а с одино(о) не имати...» (Грамота докончальная князя Дмитрия Ивановича с князем Рязанским, 1382 г., сп. 15 в);

3) «...А пошлина зъ беглеца съ *семьи* в алтына, а съ одинца алтынь...» (Договорная грамота Василия Дмитриевича с Федором Ольговичем Рязанским, 1402 г.);

4) «...А пошлин с холопа с *сем<ь>и* два алтына, а с одинца алтынь...» (Договорная Грамота князя Рязанского Ивана Васильевича с князем Феодором Васильевичем, 1496 г.).

Помимо этого, мы имеем еще два примера XV в., где слово *семья*, скорее всего, имеет «современное» значение.

Однако слово *семья* в значении ‘семья, семейство’ приводится также в «Материалах для словаря древне-русского языка» И.И. Срезневского [14, ст. 893], без указания даты, в следующем контексте: «...Спону имуть къ спасенію *семью* и домъ...».

В качестве источника в «Материалах...» указывается «Кирилла Туровского послание Василию, 126». Это название из списков XVI в. В других списках данное произведение озаглавлено «Повесть о белоризце и о мнишестве, и о душе и о покаянии» или «Повесть о беспечном царе и его мудром советнике» [15, с. 344]. По мнению О.В. Творогова и И.П. Еремина, данное произведение нельзя рассматривать как послание к игумену Киево-Печерского монастыря Василию, так как Василий стал игуменом в 1182 г., когда Кирилла уже, возможно, не было в живых [16, с. 218; 15, с. 344]. Предположение о смерти Кирилла Туровского до 1182 г. основывается на том, что в 1182 г. Ипатьевская летопись называет Туровским епископом Лаврентия. Кроме того, в тексте повести Кирилл ни разу не обращается к Василию во втором лице единственного числа, все имеющиеся обращения стоят во втором лице множественного числа: «мниси», «братье», «вас» и так далее [15, с. 344].

Сомнений в принадлежности «Повести...» Кириллу Туровскому нет: и по содержанию, и по стилю она близка другим его сочинениям; в большинстве списков она имеет подпись «Кирилла мниха» [16, с. 218; 15, с. 344]. Таким образом, «Повесть...» была написана в XII в., а имя Василия, возможно, попало в заголовок повести случайно, в списках XVI в. [16, с. 218]. В таком случае, если следовать за И.И. Срезневским в определении значения слова, приведенный фрагмент – самое раннее употребление слова *семья* в «современном» значении.

Однако обратимся к спискам данного произведения. «Повесть...» известна нам в 9 полных списках и двух отрывках [15, с. 344]. Полные

списки относятся к XVI–XVII вв., а два отрывка – к XIII–XIV вв. Список XIII – начала XIV вв. – это список из сербского пергаменного сборника, входившего в состав собрания П.С. Сречковича, профессора Белградской Великой школы [17, с. 1]. Он был опубликован М.И. Соколовым в 1902 г. Список XIV в. – это отрывок из сборника «Златая цепь», входящего в Троицкое собрание. Он был издан два раза: в «Исторической хрестоматии» Ф.И. Буслаева [18, ст. 499–504] и в «Рукописях графа А.С. Уварова» М.И. Сухомлинова. В этом отрывке интересующего нас фрагмента нет.

Термин *семья* читается только в списках XVI в. [19, с. 352]. В списке Сречковича XIII – начала XIV в. на его месте читается «всемь лю[д]мь» [20, с. 11], а в списке XIV в. интересующий нас фрагмент отсутствует. Поскольку нас интересует наиболее раннее употребление слова, приоритетным будет для нас чтение из списка П.С. Сречковича XIII–XIV вв. Таким образом, на основании употребления термина *семья* в списках «Повести о белоризце и о мнишестве» Кирилла Туровского мы никак не можем говорить о том, что слово *семья* имело значение ‘семья, семейство’ во время жизни Кирилла Туровского, в XII в. Можем говорить только о том, что такое значение оно имело в XVI в.

Теперь обратимся к словам, которые могли обозначать то же, что обозначает сегодня слово *семья*. В грамотах встречаются собирательные термины *род* и *племя*, предположительно близкие по значению. Из собирательных также встречаются *братия*, *дети* и *чадь*. Причем термины *братия* и *дети* – довольно распространенные (15 и 39 упоминаний соответственно).

Слова *племя* и *род* (*роду*) встречаются в следующих грамотах.

№ 9 (XII в.): «ѡ гостаты къ васильви еже ми отць даалъ и *роду* съдаали а то за нимъ а нынѣ вода новоую женоу а мнѣ не въдасть ничто же избивъ роуки поустилъ же ма а иноую поалъ доеди добрѣ сътвори». А.А. Зализняк переводит здесь *роду* как «родичи». О родичах говорится, что они что-то съдаали, то есть, дали впридачу [6, с. 300–301]. Вероятно, речь идет о приданом.

№ 748 (XII–XIII вв.): «(въ чьс)[т]и ходити оу моего *рода* ци оумѣ- ... (оу) [н]асъ въ чьсти ходити а нынѣ ты рекле». Эта грамота представляет собой письмо девушки о выдаче ее замуж. Она пишет, вероятно, жениху. А.А. Гишпиус реконструировал текст следующим образом: «[Ты сказал, что хочешь в чьс]ти ходити у моего рода. Если умеешь [то-то и то-то соблюдать, то сможешь] у нас в чьсти ходити. А потом ты сказал ...».

Термин *племя* упоминается в следующих грамотах.

№ 417 (XIV в.): «приѣхавъ и заволоцѣа носилѣ серебро климѣц[ь] с *племеньмь* на завѣтрѣ по петровѣ дни носилѣ фодорку слепетков съз братѣю а серебромъ хо(ди)лѣ григорѣи фларевъ давѣ поповъ матвѣике нище лука онишковъ софронѣ м-шкинѣ». На примере этой грамоты мы видим, что *племя* и *братия* – это не одно и то же, так как в первом случае автор употребляет термин *племя*, а во втором – *братия*.

№ 250 (XIV–XV вв.):

«... (с дѣ)тми съ *племенемь* луцнов-
...[к]ине со братѣю федоре лену-
... иеве на рицици
...ове костке с дѣтми би-
... ..ко о[л]ексинѣ».

Здесь мы в первой же строке видим словосочетание «(с дѣ)тми съ племенемь». То есть племя – это кто-то еще, помимо детей. По тому, что в следующей строке упоминается братия, понимаем также, что это что-то отличное и от братии.

В грамоте № 519/520 (XIV–XV вв.) употребляются и слово *род*, и слово *племя*. Данная грамота является черновиком завещания. Интересующие нас термины употребляются в следующем контексте: «...а дѣти свои приказываю василию ѳеодоровици и максимуму василиевуци и *(с)подѣ своѣи роду племани своѣму...*».

В этом случае автор, видимо, употребляет словосочетание «господа мои род, племя» в самом широком значении – все родственники, которые остаются и могут позаботиться о его детях.

Обратимся теперь к словарю для уточнения значения рассматриваемых терминов. Согласно «Словарю русского языка XI–XVII вв.», термин *род* имеет следующие значения из интересующих нас: совокупность всех людей, ведущих свое происхождение от общего предка, кровные родственники, родня [21, с. 180]. Причем *род*, очевидно, включает в себя кого-то кроме ближайших кровных родственников – родителей и братьев, так как в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» приводится пример из Остромирова Евангелия (1057 г.): «Преѣдани же будете родители и братиєю и родом и други...» [21, с. 180]. При этом братья, видимо, иногда могли включаться в состав *рода*: «А будет у него детей и роду не останетца, а останетца одна жена, и женѣ тою ево вотчиной владѣти по свой животѣ».

Племя, по «Словарю русского языка XI–XVII вв.», имеет, из подходящих нам, значения 1) род, семья, клан; 2) родня, родственник [22, с. 83]. В *племя* – так же, как и в *род* – мать и отец не входили. Они перечисляются отдельно: «Азь была отца богатого дочь и матери добрая и племяни славного», «А у которого члка помреть же-

на, и муж ее ожениться, а ження мать, или сестра, или иное племя а имут искать платья, ино муж ея право по дщи платья отдать» [22, с. 83].

Однако, по-видимому, отличие *рода* от *племени* состояло в том, что *племенем* называли и свойственников: «Василий Осипов сын Янов, Шуйскому по жене племя». Интересно в этом контексте, что в грамотах слова *род* и *роди* используются в связи со свадьбой (№№ 9, 748). В обоих случаях они обозначают тех, кто выдает девушку замуж. Логично, что свойственники сюда не включаются.

Таким образом, *племя* – это слово, имевшее наибольший спектр значений. Оно обозначало совокупность родственников и свойственников (которые упоминаются в связи с какими-то сельскохозяйственными работами, помощью и т.д.), а под *родом* подразумевались кровные родственники, хотя это понятие тоже было достаточно широким, включавшим обязательно кого-то помимо детей, родителей и братьев. Это хорошо видно на примере грамоты № 250.

Еще раз подчеркнем, что в берестяных грамотах ни разу не встречается термин *семья*. Вероятно, это обусловлено важной особенностью содержания грамот – их прагматичностью: у авторов не возникало ситуаций, в которых им нужно было бы употреблять слово *семья*. В других источниках, современных берестяным грамотам, слово *семья* встречается 10 раз. До XIV столетия оно употребляется в значении ‘домочадцы, челядь, рабы’, а с XIV в. начинает использоваться в значении ‘семья, семейство’. Термины *род* и *племя* новгородцы употребляли для обозначения широкого круга родственников или родственников и свойственников. Также они использовали конкретные термины (собираательные, как *братия* или *чадь*, и единичные, как, например, *брат*, *сын*, *отец* и т.д.) для обозначения близких родственников.

Заключение

Изложенные выше соображения позволяют считать новгородский комплекс берестяных грамот ценным источником по истории семейных отношений, который может исследоваться в самых разных ракурсах.

На материале грамот можно убедиться, что в XIV – начале XV в. были возможны разные формы семьи как домохозяйства. Рассмотрев грамоты в контексте археологического комплекса, в котором они были найдены, мы пришли к выводу, что Онцифор Лукинич и его сын Максим в XIV в. жили на разных усадьбах. При этом Михаил Юрьевич и его сын Андриан в начале XV в., скорее всего, жили на одной усадьбе. Конечно, эти отдельные случаи не позволяют делать никаких обобщающих выводов,

однако они свидетельствуют, по крайней мере, о том, что такие ситуации возникали.

Изучив материалы «берестяной переписки» родственников, мы увидели, что больше всего переписывались братья с сестрами и дети с родителями (26 и 23 экз. соответственно). Значительно (примерно в три раза) меньше пишут друг другу мужья и жены (8 экз.), и совсем мало – другие родственники (1–3 экз.). Исходя из того что люди обычно не пишут письма тем, кто находится рядом с ними, следует заключить, что братья могли не жить вместе, а взрослые дети могли не жить с родителями. Однако к этим данным необходимо отнестись с осторожностью, поскольку материал пока недостаточен для полноценного статистического анализа – в целом такое распределение писем по адресатам может оказаться случайным.

Исследовав собираательные термины родства, мы пришли к выводу, что до XIV в. в грамотах встречаются только термины *род* и *племя*, имевшие определенно более широкое значение, чем современный термин *семья*. Судя по примерам употребления, эти понятия обычно не включали родителей, детей, братьев. Они могли обозначать их только вместе с кем-то из родственников. Для обозначения ближайших родственников использовались конкретные термины: *чадь*, *братия*, *дети*.

Термин *семья* в берестяных грамотах на сегодня не встречается ни разу. Вероятно, это связано с особенностями содержания грамот: в них нет контекстов, в которых такое слово могло быть употреблено. В других источниках этот термин употребляется в период с XI по XV в. 10 раз. До XIV в. он имеет значение ‘челядь, домочадцы, рабы’. В XIV в. появляется значение ‘семья, семейство’. Мы не можем на основании этих данных говорить о том, что термин *семья* не использовался в «современном» значении до XIV в.: всегда есть вероятность, что появится новая берестяная грамота или какой-либо другой источник, где термин будет употреблен в данном значении. Однако отсутствие его в таком большом массиве источников и появление нового значения в XIV в. вызывает вопросы и может стать отправным пунктом для исследований в этой области.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда в рамках гранта (проект №19-18-00352), предоставленного Институту славяноведения РАН.

Список литературы

1. Риббенс Маккарти Дж., Эдвардс Р. Исследования семьи: основные понятия. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. 342 с.

2. Засурцев П.И. Усадьбы и постройки Древнего Новгорода // Жилища Древнего Новгорода. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. IV. Материалы и исследования по археологии СССР. № 123. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 5–165.
3. Янин В.Л. Я послал тебе бересту... 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Московского ун-та, 1975. 238 с.
4. Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина (историко-генеалогическое исследование). М.: Наука, 1981. 296 с.
5. Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Русский Мир, 2013. 448 с.
6. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.
7. Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). III том. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 156 с.
8. Петров М.И. К вопросу о формировании строительного яруса // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Мат. науч. конф. Вып. 22. Великий Новгород: Новгород. гос. объед. музей-заповедник, 2008. С. 108–121.
9. Колчин Б.А. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа // Материалы и исследования по истории и археологии СССР. № 55. Труды Новгородской экспедиции. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 44–138.
10. Колчин Б.А. Дендрохронология Новгорода // Новые методы в археологии. Труды Новгородской экспедиции. Т. III. Материалы и исследования по археологии СССР. № 117. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 5–104.
11. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 561 с.
12. Покровская К.Д. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник по истории семейно-родственных отношений: курсовая работа студентки 3 курса. М.: НИУ ВШЭ, 2018. 75 с. Рукопись.
13. Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси: историко-бытовые очерки XI–XIII вв. М.: Территория, 2012. 242 с.
14. Срезневский И.И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам: в 6 т. СПб.: Типография императорской академии наук, 1893. Т. 3. 910 ст.
15. Еремин И.П. Литературное наследие Кирилла Туровского // Труды отдела древнерусской литературы. Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Вып. XI. 512 с.
16. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI – первая половина XIV в.) / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, 1987. 492 с.
17. Соколов М.И. Материалы и заметки по старинной славянской литературе. М.: Университетская типография, 1888. Вып. 1. 211 с.
18. Буслаев Ф.И. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древне-русского языков. М.: Университетская типография, 1861. 1631 с.
19. Еремин И.П. Литературное наследие Кирилла Туровского // Труды отдела древнерусской литературы. Вып. XII. Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 657 с.
20. Соколов М.И. Некоторые произведения Кирилла Туровского в сербских списках. М.: Типография Г. Лиснера и А. Гешеля, 1902. 17 с.
21. Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 22. М.: Наука, 1997. 293 с.
22. Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 15. М.: Наука, 1989. 288 с.

BIRCH BARK MANUSCRIPTS AS A SOURCE FOR STUDYING THE COMPOSITION OF THE FAMILY IN MEDIEVAL NOVGOROD

K.D. Pokrovskaya

This paper examines what information about composition of the family can be found in birch bark manuscripts. The composition of the family is studied, firstly, as a household composition (relatives, who lived together) and, secondly, as a composition of a community which was thought of as a family because one supposedly perceived his/her relatives who lived separately as a part of his/her family. In order to determine the household composition, the author places birch bark documents in the archeological context and studies the intra-familial correspondence. The author concludes that in the 14th and early 15th century there existed different types of family as a household, both nuclear and extended. In the part of the work dedicated to the perception of the family, the terms that could denote a group of relatives, which is known today as family, are studied. The author draws a conclusion that the term *family* does not occur in birch bark letters. In other sources the word *family* in the “modern” meaning has appeared since the 14th century. The terms *clan* and *tribe* found in birch bark letters dating to the time under consideration definitely had a broader meaning than the modern term *family*.

Keywords: family, kinship, kinship terminology, medieval Novgorod, archeology, birch bark manuscripts, family studies.

References

1. Ribbens Makkarti Dzh., Edvards R. Issledovaniya sem'i: osnovnye ponyatiya. M.: Izdatel'skij dom Vysshej shkol'y ekonomiki, 2018. 342 s.
2. Zasurev P.I. Usad'by i postrojki Drevnego Novgoroda // Zhilishcha Drevnego Novgoroda. Trudy Novgorodskoj arheologicheskoy ekspedicii. T. IV. Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. № 123. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 5–165.
3. Yanin V.L. Ya poslal tebe berestu... 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Московского ун-та, 1975. 238 с.
4. Yanin V.L. Novgorodskaya feodal'naya votchina (istoriko-genealogicheskoe issledovanie). М.: Nauka, 1981. 296 s.
5. Yanin V.L. Ocherki istorii srednevekovogo Novgoroda. 2-е изд., pererab. i dop. М.: Russkij Mir, 2013. 448 s.

6. Zaliznyak A.A. Drevnenovgorodskij dialekt. 2-e izd., pererab. s uchetom materiala nahodok 1995–2003 gg. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 872 s.
7. Arcihovskij A.V., Borkovskij V.I. Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1953–1954 gg.). III tom. M.: Izd-vo AN SSSR, 1958. 156 s.
8. Petrov M.I. K voprosu o formirovanii stroitel'nogo yarusa // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arheologiya: Mat. nauch. konf. Vyp. 22. Velikij Novgorod: Novgor. gos. ob"ed. muzej-zapovednik, 2008. S. 108–121.
9. Kolchin B.A. Topografiya, stratigrafiya i hronologiya Nerevskogo raskopa // Materialy i issledovaniya po istorii i arheologii SSSR. № 55. Trudy Novgorodskoj ekspedicii. T. I. M.: Izd-vo AN SSSR, 1956. S. 44–138.
10. Kolchin B.A. Dendrohronologiya Novgoroda // Novye metody v arheologii. Trudy Novgorodskoj ekspedicii. T. III. Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. № 117. M.: Izd-vo AN SSSR, 1963. S. 5–104.
11. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshogo izvodov // Polnoe sobranie russkikh letopisej. M.–L.: Izd-vo AN SSSR, 1950. 561 s.
12. Pokrovskaya K.D. Novgorodskie berestyanye gramoty kak istoricheskij istochnik po istorii semejnorodstvennyh otnoshenij: kursovaya rabota studentki 3 kursa. M.: NIU VShE, 2018. 75 s. Rukopis'.
13. Romanov B.A. Lyudi i nrawy Drevnej Rusi: istoriko-bytovye ocherki XI–XIII vv. M.: Territoriya, 2012. 242 s.
14. Sreznevskij I.I. Materialy dlya slovarya drevnerusskago yazyka po pis'mennym "pamyatnikam": v 6 t. SPb.: Tipografiya imperatorskoj akademii nauk, 1893. T. 3. 910 st.
15. Eremin I.P. Literaturnoe nasledie Kirilla Turovskogo // Trudy otdela drevnerusskoj literatury. L.: Izd-vo AN SSSR, 1955. Vyp. XI. 512 s.
16. Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi. Vyp. I (XI – pervaya polovina XIV v.) / Otv. red. D.S. Lihachev. L.: Nauka, 1987. 492 s.
17. Sokolov M.I. Materialy i zametki po starinnoj slavyanskoj literature. M.: Universitetskaya tipografiya, 1888. Vyp. 1. 211 s.
18. Buslaev F.I. Istoricheskaya hrestomatiya cerkovno-slavyanskogo i drevne-russkogo yazykov. M.: Universitetskaya tipografiya, 1861. 1631 s.
19. Eremin I.P. Literaturnoe nasledie Kirilla Turovskogo // Trudy otdela drevnerusskoj literatury. Vyp. XII. L.: Izd-vo AN SSSR, 1956. 657 s.
20. Sokolov M.I. Nekotorye proizvedeniya Kirilla Turovskogo v serbskikh spiskah. M.: Tipografiya G. Lissnera i A. Geshelya, 1902. 17 s.
21. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. T. 22. M.: Nauka, 1997. 293 s.
22. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. T. 15. M.: Nauka, 1989. 288 s.